

НИКОЛАЙ
ЛЕЙКИН

Наши за границей
Где апельсины зреют

*Юмористическое описание путешествия супругов
Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых
по Ривьере и Италии*

МОСКВА

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

НИКОЛАЙ
ЛЕЙКИН

Наши за границей
Где апельсины зреют

*Юмористическое описание путешествия супругов
Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых
по Ривьере и Италии*

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Л42

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Лейкин, Николай Александрович.

Л42 Наши за границей. Где апельсины зреют / Николай Лейкин. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-214909-2

Искрометный юмор и живой язык — все это характеризует произведения Николая Лейкина (1841—1906), петербургского писателя-юмориста конца XIX века.

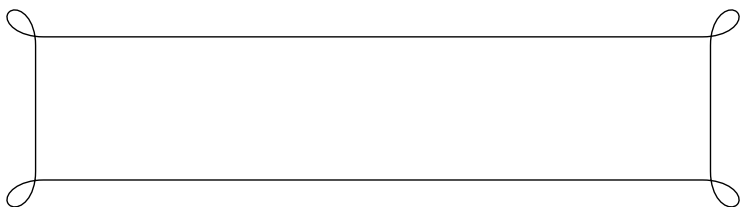
Книга «Наши за границей. Где апельсины зреют» — продолжение одного из самых известных произведений в творчестве Лейкина. На этот раз купеческая семья — Николай Иванович Иванов и его жена Глафира Семеновна — отправляются в поездку по Французской Ривьере и Италии. Супруги встречаются с интересными и забавными личностями, а также постоянно попадают в необычные истории — то играют в казино, то посещают Римский форум и древние Помпеи, то поднимаются прямо к кратеру Везувия.

Вторая книга из цикла о путешествиях Николая и Глафиры Ивановых (Италия).

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-214909-2

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

АПЕЛЬСИНЫ И БОРОДЫ

Было около одиннадцати часов вечера. В Марселе в ожидании ниццкого поезда, отправляющегося в полночь, сидели на станции в буфете трое русских: петербургский купец Николай Иванович Иванов, средних лет мужчина, плотный и с округлившимся брюшком, его супруга Глафира Семеновна, молодая полная женщина, и их спутник, тоже петербургский купец Иван Кондратьевич Конури́н. Путешественники были одеты по последней парижской моде, даже бороды у мужчин были подстрижены на французский манер, но русская купеческая складка так и сквозила у них во всем. Сидели они за столиком с остатками ужина и не убранной еще посудой и попивали красное вино. Около них на полу лежал их ручной багаж, между которым главным образом выделялся сверток в ремнях с большой подушкой в красной кумачовой наволочке. Мужчины не были веселы, хотя перед ними и стояли три опорожненные бутылки из-под красного вина и наполовину отпитый графинчик коньяку. Они были слишком утомлены большим переездом из Парижа в Марсель и разговаривали, позевывая. Позевывала и их дама. Она очищала от кожи апельсин и говорила:

— Как только приедем в Италию — сейчас же куплю себе где-нибудь в фруктовом саду большую ветку с апельсинами, запакую ее в корзинку и повезу в Петербург всем на показ, чтоб знали, что мы в апельсинном государстве были.

— Да апельсины-то нешто в Италии растут? — спросил Иван Кондратьевич, прихлебнул из стакана красного вина и отдулся.

— А то как же... — усмехнулся Николай Иванович. — Сам фруктовщик, фруктовую и колониальную лавку в Петербурге имеешь, а где апельсины растут не знаешь. Ах ты, деревня!

— Да откуда ж нам знать-то? Ведь мы апельсины для своей лавки покупаем ящиками у немца Карла Богданыха. Я думал, что апельсины так в Апельсинии и растут.

— Так ведь Апельсиния-то в Италии и есть. Тут губерния какая-то есть Апельсинская, или Апельсинский уезд, что ли, — сказал Николай Иванович.

— Ври, ври больше! — воскликнула Глафира Семеновна. — Никакой даже и губернии Апельсинской нет, и никакого Апельсинского уезда не бывало. Апельсины только в Италии растут.

— Позвольте, Глафира Семеновна... А как же мы иерусалимские-то апельсины продаем? — возразил Иван Кондратьевич.

— Ну, это какие-нибудь жидовские, от иерусалимских дворян.

— Напротив, самые лучшие считаются.

— Ну, уж этого я не знаю, а только главным образом апельсины в Италии, и называется Италия — страна апельсин.

— Вот-вот... Апельсиния, стало быть, и есть, Апельсинский уезд, — подхватил Николай Иванович.

— Что ты со мной споришь! Никакой Апельсинии нет, решительно никакой. Я географию учила в пансионе и знаю, что нет.

— Ну, тебе и книги в руки. Ведь нам, в сущности, все равно. Я хоть в коммерческом училище тоже два года проучился и географию мы учили, но до южных стран не дошел, и отец взял меня оттуда к нашему торговому делу приучаться.

— Ну вот видишь. А сам споришь.

Водворилась легкая пауза. Иван Кондратьевич Конуриной аппетитно зевнул.

— Что-то теперь моя жена делает? Поди, тоже похлебала щец и уж спать ложится, — сказал он.

— Что такое? Спать ложится? — усмехнулась Глафира Семеновна. — Совсем даже можно сказать напротив.

— То есть как это напротив? Что ж ей дома одной-то об эту пору делать? Уложила ребят спать да и сама на боковую, — отвечал Конуриной.

— А вы думаете, в Петербурге теперь какая пора?

— Как какая пора? Да знамо дело, ночь, двенадцатый час ночи.

— В том-то и дело, что совсем напротив. Ведь мы теперь на юге. А когда на юге бывает ночь, в Петербурге день; стало быть, не может ваша жена теперь и спать ложиться.

Конуриной открыл даже рот от удивления.

— Да что вы, матушка Глафира Семеновна... — проговорил он.

— Верно, верно... Не спорь с ней... Это так... — подхватил Николай Иванович. — Она знает... Их учили

в пансионе. Да я и сам про это в газетах читал. Ежели теперича мы на юге, то все наоборот в Петербурге, потому Петербург на севере.

— Вот так штука! — дивился Конурин. — А я и не знал, что такая механика выходит. Ну, заграница! Так который же теперь, по-вашему, Глафира Семеновна, час в Петербурге?

Глафира Семеновна задумалась.

— Час? Наверное не знаю, потому это надо в календаре справиться, но думаю, что так час третий дня, — сказала она наобум.

— Третий час дня... Тсс... Скажи на милость... — покачал головой Конурин. — Ну, коли третий час дня, то, значит, жена пообедала и чай пить собирается. Она после обеда всегда чай пьет в три часа дня. Грехи! — вздохнул он. — Скажи на милость, куда мы заехали! Даже и время-то наоборот — вот в какие державы заехали. То есть скажи мне месяц тому назад: «Иван Кондратьич, ты будешь по немецкой и французской землям кататься» — ни в жизнь бы не поверил, даже плюнул бы.

— А мы так вот во второй раз по заграницам шляемся, — сказал Николай Иванович. — В первый раз поехали на Парижскую выставку, и было боязно, никаких заграничных порядков не зная, ну а во второй-то раз, сам видишь, путаемся, но все-таки свободно едем. Слова дома кой-какие подучили опять же, и разговорные книжки при нас есть, а в первый раз мы ехали по загранице, так я только хмельные слова знал, а она комнатные, а железнодорожных-то или что насчет путешествия — ни в зуб. Глаша! Помнишь, как мы в первый раз, едучи в Берлин, совсем в другое место попали и пришлось обратно ехать да еще штраф заплатить?

— Еще бы не помнить! Да ведь и нынче из Берлина, едучи в Кёльн, чуть-чуть в Гамбург не попали. А все ты... Потому никаких ты слов не знаешь, а берешься с немцами и французами разговаривать.

— Ну нет, нынче-то я уж подучился. Суди сама, как же бы я мог один, без тебя, вот только с Иваном Кондратьичем ходить по Парижу, пальто и шляпу себе и ему купить, пиджак, брюки и жилет, галстуки и даже в парикмахерскую зайти постричься и бороды нам на французский манер поставить! И везде меня свободно понимали.

— Хорошо свободное понимание, коли из Ивана Кондратьича Наполеона сделали, вместо того чтобы самым обыкновенным манером подстричь бороду.

— А уж это ошибка... Тут ничего не поделаешь. Я говорю французу: «Эн пе, но только а ля франсэ¹, пофранцузистее». А он глух, что ли, был этот самый парикмахер — цап, цап ножницами да и обкорнал ему наголо обе щеки. А ведь этот сидит перед зеркалом и молчит. Хоть бы он слово одно, что, мол, стой, мусье.

— Какое молчу! — воскликнул Конурин. — Я даже за ножницы руками ухватился, так что он мне вон палец порезал ножницами, но ничего поделывать было невозможно, потому, бороду мою большую увидавши, рассвирепел он очень, что ли, или уж так рвение, да в один момент и обкорнал. Гляжусь в зеркало — нет русского человека, а вместо него француз. Да, брат, ужасно жалко бороды. Забыть не могу! — вздохнул он.

— Наполеон! Совсем Наполеон! — захохотала Глафира Семеновна.

¹ «Немного... по-французски». — Здесь и далее при переводе ошибки в иностранных языках не отражены.

— Уж хоть вы-то не смейтесь, Глафира Семеновна, а то, верите, подчас хоть заплакать, вот до чего обидно, — сказал Конурин. — А все ты, Николай Иваныч. Век тебе не прощу этого. Ты меня затащил в парикмахерскую. «Неприлична твоя борода лопатой для заграницы». А чем она была неприлична? Борода как борода... Да была вовсе и не лопатой...

— Ну что тут! Брось! Стоит ли о бороде разговаривать! Во имя французско-русского единства можно и с наполеоновской бородой походить, — сказал Николай Иванович...

— Единство... Наполеоновская... Да она и не наполеоновская, а козлиная.

— Кто патриот своего отечества и французскую дружбу чувствует, тот и на козлиную не будет жаловаться.

— Тебе хорошо говорить, коли ты здесь с женой, а ведь у меня жена-то в Питере. Как я ей покажусь в эдаком козлином виде, когда домой явлюсь? Она может не поверить, что мне по ошибке остригли. Скажет: «Загулял, а мамзели тебя на смех в пьяном виде и обкорнали». Чего ты смеешься? Дело заглазное. Ей все может в голову прийти. Она дама сумнительная.

— Не бойся, отрастет твоя борода к тому времени. По Италии поедем, так живо отрастет. В Италии, говорят, волос скорее травы растет, — продолжал смеяться Николай Иванович.

В это время показался железнодорожный сторож и зазвонил в колокольчик, объявляя, что поезд готов и можно садиться в вагоны. Все засуетились и начали хватать свой ручной багаж.

— Гарсон! Пейе! Комбьян¹ с нас? — кричал Николай Иванович слугу, приготавливаясь платить за съеденное и выпитое.

Хочу домой!

— Toulon, Cannes, Nice, Monaco, Menton, Ventimille!² — кричал заунывным голосом железнодорожный сторож, выкрикивая главные станции, куда идет поезд, и продолжая звонить в ручной колокольчик.

Гарсон медленно записывал перед Николаем Ивановичем на бумажке франки за съеденное и выпитое. Николай Иванович нетерпеливо потрясал перед ним кредитным билетом в пятьдесят франков и говорил жене и спутнику:

— Ах опоздаем! Ах уйдет поезд! Бегите хоть вы-то скорей занимать места.

— А что хорошего будет, если мы займем места без тебя и уедем! — отвечала Глафира Семеновна и торопила гарсона: — Плю вит, гарсон, плю вит³.

Тот успокаивал ее, что до отхода поезда еще много времени осталось.

— Нон, нон, ну савон⁴, что это значит! В Лионе из-за этого проклятого расчета за еду мы еле успели вскочить в вагон, и я впопыхах тальму себе разорвала, — говорила Глафира Семеновна гарсону по-русски. — Хорошо еще тогда, что услужливый кондуктор за талию меня схватил и в купе пропихнул, а то так бы на станции и осталась.

¹ Официант! Платить! Сколько... (*фр.*)

² Тулон, Канны, Ницца, Монако, Ментона, Вентмилья! (*фр.*)

³ Быстрее, официант, быстрее (*фр.*).

⁴ Нет, нет, мы знаем... (*фр.*)

— Ah, madame! — улыбнулся гарсон.

— Что, «мадам»? Плю вит, плю вит. И ты тоже, Николай Иваныч, сидишь и бобы разводишь, а нет чтобы заранее рассчитаться! — журила она мужа.

Расчет кончен. Гарсону заплачено и дано на чай. Носильщик в синей блузе давно уже стоял перед путешественниками с их багажом в руках и ждал, чтобы отправиться к вагонам. Все побежали за ним. Иван Кондратьевич тащил свою громадную подушку и бутылку красного вина, взятую про запас в дорогу.

— Les russes... — сказал им кто-то вдогонку.

— Слышишь, Николай Иваныч? Вот и французские у нас бороды, а все равно узнают, что мы русские, — проговорил Иван Кондратьич.

— Это, брат, по твоей подушке. Еще бы ты с собой перину захватил! Здесь, кроме русских, никто с подушками по железным дорогам не ездит. В первую нашу поездку за границу мы тоже захватили с собой подушки, а уж когда нацивилизовались, то теперь шабаш.

Сели в купе вагона, но торопиться, оказалось, было вовсе незачем: до отхода поезда оставалось еще полчаса, о чем объявил кондуктор спрашивавшей его на ломаном французском языке Глафире Семеновне и в пояснение своих слов поднял указательный палец и пальцем другой руки отделил от него половину.

— Господа! Гарсон-то не соврал. Нам до поезда еще полчаса осталось, — заявила она своим спутникам.

— Да что ты! — воскликнул Николай Иванович. — Вот это я люблю, когда без горячки и с прохладцем. Это по-русски. Тогда я побегу в буфет и захвачу с собой в дорогу полбутылки коньяку. А то впопыхах-то мы давеча забыли захватить.

— Не надо. Сиди, когда уж сел. Ведь есть с собой бутылка красного вина.

Мимо окон вагонов носили газеты, возили на особо устроенной тележке продающиеся по франку маленькие подушки с надписью «Les oreillers»¹.

— Вот с какими подушками французы путешествуют, — указал Николай Иванович Ивану Кондратьевичу. — Купят за франк, переночуют ночь, а потом и бросят в вагоне. А ты ведь таскаешь с собой по всей Европе в полпуда перину.

— Да что ж ты поделаешь, коли жена навязала такую большую подушку, — отвечал тот. — «Бери, говорит, — бери. Сам потом рад будешь. Приляжешь в вагоне и вспомнишь о жене».

Глафира Семеновна прочла надпись на тележке с подушками и сказала:

— Вот поди же ты: нас в пансионе учили, что подушки по-французски «кусен» называются, а здесь их зовут «орелье». Вон надпись — «орелье».

— Цивилизация здесь совсем другая — вот отчего, — отвечал Николай Иванович. — Здесь слова отполированные, новомодные, ну а у нас все еще на старый манер. Ведь и у нас по-русски есть разница. Да вот хоть бы взять фуражку. В Петербурге, по цивилизации, она фуражкой зовется, а поезжай в Углич или в Любим — картуз.

Сказав это, он снял с себя шляпу котелком и, достав из кармана мягкую дорожную шапочку, надел ее на голову.

¹ Подушки (*фр.*).

— И не понимаю я, Иван Кондратьич, зачем ты себе такой шапки дорожной не купил! И дешево, и сердито, и укладисто.

— Да ведь это жидовская ермолка. С какой же стати я, русский православный купец...

— Да и я русский православный купец, однако купил и ношу.

— Мало ли что ты! Ты вон в Париже улиток из раковин жрал, суп из черепахи хлебал, а я этого вовсе не желаю.

— Чудак! Выехал за границу, так должен и цивилизации заграничной подражать. Зачем же ты выехал за границу?

— А черт знает зачем. Я теперь и ума не приложу, зачем я поехал за границу. Ты тогда сбил меня у себя на блинах на Масленой. «Поедем да поедем, все заграничные трактиры осмотрим, посмотрим, как сардинки делают». Я тогда с пьяных глаз согласился, по рукам ударили, руки люди разняли, а уж потом не хотел пятиться, я не пяченый купец. Да, кроме того, и перед отъездом-то все на каменку поддавал. Просто, будем так говорить, в пьяном виде поехал.

— Так неужто тебе за границей не нравится? Вот уж ты видел Берлин, видел Париж...

Иван Кондратьевич подумал и отвечал:

— То есть как тебе сказать... хорошо-то оно хорошо, только уж очень шумно и беспокожно. Торопимся мы словно на пожар. Покою никакого нет. У нас дома на этот счет лучше.

— Ах серое невежество!

— Постой... зачем серое? Здесь совсем порядки не те. Вот теперь пост Великий, а мы скором жрем. Ни

бани здесь, ни черного хлеба, ни баранок, ни грибов, ни пирогов. Чаю даже уж две недели настоящим манером не пили, потому какой это чай, коли ежели без самовара!

— Да, чай здесь плох, и не умеют его заваривать, — согласился Николай Иванович. — Или не кипятком зальют, или скипятят его.

— Ну вот видишь. Какой же это чай! Пьешь его и словно пареный веник во рту держишь.

— Зато кофей хорош, — заметила Глафира Семеновна.

— А я кофей-то дома только в Христов день пью. Нет, брат, заскучал я по доме, крепко заскучал. Да и о жене думается, о ребятишках, о деле. Конечно, над лавками старший приказчик оставлен, но ведь старший приказчик тоже не без греха. Из чего же нибудь он себе двухэтажный дом в деревне, в своем месте, построил, когда ездил домой на побывку. Двухэтажный деревянный дом. Это уж при мне-то на деревянный дом капитал сколотил, ну а без меня-то, пожалуй, и на каменный сколотит, охулки на руку не положит. Знаю, сам в приказчиках живал.

— Плюнь. У хлеба не без крох.

— Расплюешься, брат, так. Нет, я о доме крепко заскучал. Веришь ты, во сне только жена, дом да лавки и снятся.

— Так неужто бы теперь согласился, не выдавши Ниццы и Италии, ехать домой?

— А ну их! На все бы наплевал и полетел прямо домой, но как я один поеду, коли ни слова ни по-французски, ни по-немецки?.. Не знаю, через какие города мне ехать, не знаю даже, где я теперь нахожусь.

— В Марселе, в Марселе ты теперь.

— В Марселе... Ты вот сказал, а я все равно сейчас забуду. Да и дальше ли это от Петербурга, чем Париж, ближе ли — ничего не знаю. Эх, завезли вы меня, черти!

— Зачем же это вы, Иван Кондратьич, ругаетесь? При даме это даже очень неприлично, — обиделась Глафира Семеновна. — Никто вас не завозил, вы сами с нами поехали.

— Да-с... Поехал сам. А только не в своем виде поехал. Загулявши поехал. А вы знали и не сказали мне, что это такая даль. Я человек непонимающий, думал, что эта самая Италия близко, а вы ничего не сказали. Да-с... Это нехорошо.

— Врете вы. Мы вам прямо сказали, что путь очень далекий и что проедем больше месяца, — возразила Глафира Семеновна.

— Э-эх! — вздохнул Иван Кондратьевич. — То есть перенеси меня сейчас из этой самой заграницы хоть на воздушном шаре ко мне домой, в Петербург, на Клинский проспект, — без разговору бы тысячу рублей дал! Полторы бы дал — вот до чего здесь мне все надоело и домой захотелось.

Часовая стрелка приблизилась к полуночи.

— *En voitures!*¹ — скомандовал начальник станции.

— *En voitures!* — подхватили кондукторы, захлопывая двери вагонных купе.

Поезд тронулся в путь.

¹ По вагонам! (*фр.*)

А ДАЛЕКО ЛИ ДО ИТАЛИИ?

Поезд летел. В купе вагона, кроме супругов Ивановых и Конурина, никого не было.

— Ну-ка, Николай Иванович, вместо чайку разопьем-ка бутылку красненького на сон грядущий, а то что ей зря-то лежать... — сказал Конурина, доставая из сетки бутылку и стакан. — Грехи! — вздохнул он. — То есть скажи мне в Питере, что на заграничных железных дорогах стакана чаю на станциях достать нельзя, — ни в жизнь бы не поверил.

Бутылка была выпита. Конурина тотчас же освободил из ремней свою объемистую подушку и начал устраиваться на ночлег.

— Да погодите вы заваливаться-то! Может быть, еще пересадка из вагона в вагон будет, — остановила его Глафира Семеновна.

— А разве будет?

— Ничего не известно. Вот придет кондуктор осматривать билеты, тогда спрошу.

На следующей полустанке кондуктор вскочил в купе.

— Vos billets, messieurs...¹ — сказал он.

Глафира Семеновна тотчас же обратилась к нему и на своем своеобразном французском языке стала его спрашивать:

— Нис... шанже вагон у нон шанже?²

— Oh, non, madame. On ne change pas les voitures. Vous partirez tout directement³.

¹ Ваши билеты, господа... (фр.)

² Ницца... менять... или не менять? (фр.)

³ О нет, сударыня. Не надо пересаживаться. Вы поедете без пересадки (фр.).

— Без перемены.

— Слава тебе, Господи! — перекрестился Конурин, взявшись за подушку, и прибавил: — «Вив ля Франс», — почти единственную фразу, которую он знал по-французски и употреблял при французах, когда желал выразить чему-нибудь радость или одобрение.

Кондуктор улыбнулся и отвечал: «Vive la Russie». Он уже хотел уходить, как вдруг Николай Иванович закричал ему:

— Постой... Постой... Глаша! Скажи господину кондуктору по-французски, чтобы он запер нас на ключ и никого больше не пускал в наше купе, — обратился он к жене. — А мы ему за это пару франков просолим.

— Да-да... Действительно, надо попросить, — отвечала супруга. — Экуте... Не впускайте... Не пусе... Или нет... что я! Не лесе дан ля вагон анкор пассажир... Ну вулон дормир... И вот вам... Пур ву... Пур буар... Ву компрене?¹

Она сунула кондуктору два франка. Тот понял, о чем его просят, и заговорил:

— Oui, oui, raadame. Je comprends. Soyez tranquille...²

— А вот и от меня монетка. Выпей на здоровье... — прибавил полфранка Конурин.

Кондуктор захлопнул дверцу вагона, и поезд полетел снова.

— Удивительно, как ты наторела в нынешнюю поездку по-французски... — похвалил Николай Иванович жену. — Ведь почти все говоришь...

¹ Послушайте... Не позволяйте в... еще пассажиры... Мы хотим спать... Для вас... На чай... Понимаете? (*фр.*)

² Да-да, сударыня. Я понимаю. Будьте спокойны... (*фр.*)

— Еще бы... Практика... Я теперь стала припоминать все слова, которые я учила в пансионе. Ты видел в Париже? Все приказчики *Magasin de Louvre* и *Magasin au bon marché*¹ меня понимали. Во Франции-то что! А вот как мы по Италии будем путешествовать, решительно не понимаю. По-итальянски я столько же знаю, сколько и Иван Кондратьич... — отвечала Глафира Семеновна.

— Руками будем объясняться. Выпить — по галстуху себя хлопнем пальцами, съесть — в рот пальцем покажем, — говорил Николай Иванович. — Я читал в одной книжке, что суворовские солдаты во время похода отлично руками в Италии объяснялись и все их понимали.

— Земляки! Послушайте! — начал Иван Кондратьевич. — Ведь в Италию надо в сторону сворачивать?

— В сторону.

— Так не ехать ли нам уж прямо домой? Ну что нам Италия? Черт с ней! Берлин видели, Париж видели — ну и будет.

— Нет-нет! — воскликнула Глафира Семеновна. — Помилуйте, мы только для Италии и за границу поехали.

— Да что в ней, в Италии-то, хорошего? Я так слышал, что только шарманки да апельсины.

— Как «что в Италии хорошего»? Рим... В Риме папа... Неаполь... В Неаполе огнедышащая гора Везувий. Я даже всем нашим знакомым в Петербурге сказала, что буду на огнедышащей горе. А Венеция, где по всем улицам на лодках ездят? Нет-нет... Пока я на Везувию не побываю, я домой не поеду.

¹ «Луврский магазин», «Дешевый магазин» (*фр.*).